

На правах рукописи

Поздняков Дмитрий Владимирович

**Антропологический состав населения Западной и Южной
Сибири во второй половине I тыс. н. э. - первой половине
II тыс. н. э.**

Специальность 07.00.06

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени к.ист.н.

Новосибирск - 2004

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

На правах рукописи

Поздняков Дмитрий Владимирович

**АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ
И ЮЖНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
I ТЫС. Н.Э. - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ II ТЫС. Н.Э.**

07.00.06 - археология

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Новосибирск - 2004

Работа выполнена в секторе бронзового и железного веков Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук

Научные руководители:

академик РАН, доктор исторических наук,
профессор *Деревянко Анатолий Пантелеевич*
кандидат биологических наук *Чикишева Татьяна Алексеевна*

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук *Медникова Мария Борисовна*
кандидат исторических наук, профессор *Елагин Виталий Сергеевич*

Ведущая организация:

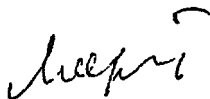
Алтайский Государственный Университет

Защита состоится 11 марта 2004 г. в 10 час. на заседании диссертационного совета Д 003.006.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при Институте археологии и этнографии СО РАН (630090, г. Новосибирск-90, пр. акад. Лаврентьева, 17).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке
Института археологии и этнографии СО РАН

Автореферат разослан «9» февраля 2004 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук

С.В.Маркин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Изучение расового состава средневекового населения Западной и Южной Сибири имеет более чем пятидесятилетнюю историю. За это время, благодаря работам таких учёных как Г.Ф. Дебец, В.П. Алексеев, В.А. Дрёмов, АР. Ким, АН. Багашёв и других, в антропологической науке начало формироваться представление о морфологии средневековых популяций этого региона. Как известно, данные по палеоантропологии представителей любого историко-культурного или этно-культурного объединения чрезвычайно важны при решении проблем происхождения и генезиса этих феноменов. Что касается эпохи средневековья, то по ряду субъективных причин лишь небольшая часть накопленного к настоящему времени палеоантропологического материала из памятников Западной и Южной Сибири была введена специалистами в научный оборот. Такая ситуация затрудняла решение основных вопросов, связанных с реконструкцией сложного процесса формирования средневекового населения Сибири. С целью восполнить этот пробел, были исследованы ранее не востребованные, а также полученные в последнее пятилетие краниологические материалы эпохи средневековья из коллекций нескольких научных учреждений: Института археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск), Алтайского государственного университета (г. Барнаул), НИИ и Музея антропологии МГУ (г. Москва).

Исследованный краниологический материал даёт гораздо более полное, чем мы имели на сегодняшний день, представление об антропологическом составе населения Западной и Южной Сибири второй половины I тыс. н.э. (тюркское время) и первой половины II тыс. н.э. (монгольское время). Появилась возможность группировки материала в локально-территориальные группы и его сопоставления с археологическими данными, демонстрирующими специфику культурогенетических процессов. Особую актуальность имеет введение в научный оборот краниологических коллекций II тыс. н.э. из Верхнего Приобья и Барабинской лесостепи, которые ранее практически не были исследованы (за исключением нескольких фрагментарных находок). Новые репрезентативные данные позволили произвести сопоставление групп последовательно сменяющих друг друга этно-культурных общностей и осветить один из важнейших аспектов этногенеза средневековых популяций Сибири - взаимосвязь и преемственность населения тюркского и монгольского времени.

Актуальность исследования определяется также необходимостью уточнения некоторых элементов расогенеза популяций эпохи средневековья на территории Западной и Южной Сибири.

Новизна работы состоит не только в презентации новейших данных по краниологии целого спектра групп населения Сибири. Кроме этого, были сопоставлены антропологические особенности населения двух исторических периодов - тюркского и монгольского времени. Впервые в краниологическом исследовании, при обсуждении специфики процесса формирования антропологического состава населения обширной территории и широкого хронологического диапазона (включающего почти тысячелетие), был использован новый подход: переход от общих категорий - расовые или антропологические субстраты, к конкретной истории формирования краниологического комплекса представителей практически каждого памятника или группы близких памятников. Использование методов межгруппового анализа позволило, также, выявить основные тенденции в трансформации структуры антропологического состава населения исследуемого региона.

Цели и задачи исследования. Целью работы является изучение антропологического состава населения эпохи средневековья на территории Западной и Южной Сибири, происхождения и генезиса его компонентов.

В соответствии с поставленной целью, были определены основные задачи:

1. Представить историографический обзор основных концепций по проблеме расогенеза средневекового населения Западной и Южной Сибири.
2. Охарактеризовать антропологический состав исследованных популяций тюркского и монгольского времени.
3. Выделить основные антропологические компоненты, на основе которых формировалось средневековое население Западной и Южной Сибири.
4. Сопоставить между собой серии второй половины I тыс. н.э. и первой половины II тыс. н.э. для выявления основных тенденций динамики антропологических комплексов в среде населения двух последовательно сменяющих друг друга исторических этапов.
5. При условии репрезентативности краниологического материала, попытаться реконструировать происхождение морфологических особенностей популяций, представленных в отдельных памятниках и группах памятников.

Территориальные и хронологические рамки работы. Территориальные рамки исследования включают лесостепные районы Западно-Сибирской равнины и отдельные области Алтае-Саянской горной страны, являющейся западной частью гор Южной Сибири [Раковская, Давыдова, 2001]. Хронологические рамки работы охватывают вторую половину I тыс. н.э. и первую половину II тыс. н.э.

Материалы и методика исследования. Материал второй половины I тыс. н.э. (тюркского времени) дифференцирован на три локально-территориальные группы:

1) Горный Алтай: сборная серия из отдельных погребений (17 мужских и 13 женских черепов); 2) Барнаульско-Каменское Приобье: сборная серия из отдельных погребений сrostкинской культуры; 3) Кузнецкая котловина: серии из могильников сrostкинской культуры Ур-Бедари (20 мужских и 13 женских черепов) и Торопово-1 (15 мужских и 10 женских черепов).

Краниологический материал первой половины II тыс. н.э. (монгольское время) также разделен на три локально-территориальные группы:

1) Горный Алтай: сборная серия из отдельных погребений (7 мужских, 4 женских черепа); 2) Верхнее Приобье: серии из могильников Телеутский Взвоз-1 (6 мужских, 3 женских черепа), Санаторный-1 (21 мужской, 21 женский череп) и Ташара-Карьер-2 (7 мужских, 11 женских черепов); 3) Барабинская лесостепь: серии из могильников Заречно-Убинское-1 (34 мужских, 24 женских черепа) и Сопка-2 (11 мужских, 12 женских черепов). Полученные данные были сопоставлены с опубликованными ранее материалами с территории Западной и Южной Сибири, Казахстана и Дальнего Востока.

Черпа были изучены по стандартной краниологической программе [Алексеев, Дебец, 1964]. Определение степени однородности групп производилось методом оценки внутригрупповой изменчивости краниологических признаков. Для этого было проведено сравнение внутригрупповых дисперсий со стандартными, вычисленными В.П. Алексеевым и Г.Ф. Дебцем [1964]. Достоверность отношений эмпирических дисперсий к стандартным проверялась по таблицам F-распределения, при бесконечном числе степеней свободы для стандартной дисперсии [Лакин, 1980].

Межгрупповой анализ производился с использованием методов многомерной статистики - дискриминантного анализа и метода главных компонент, при помощи интегрированной системы статистической обработки данных STATISTICA for Windows и специализированной антропологической программы, разработанной под руководством А.Г. Козинцева.

Научно-теоретическая и практическая значимость работы. Введение в научный оборот новых антропологических данных открывает перспективы для изучения процессов расо- и этногенеза коренного населения Западной и Южной Сибири. Материалы и результаты исследования могут быть использованы при создании обобщающих научных трудов по антропологии и древней истории Северной Азии, а также в разработке спецкурсов для студентов исторических факультетов ВУЗов.

Апробация работы. Основные результаты данного исследования обсуждались на методическом семинаре, функционирующем в рамках работы сектора бронзового и железного веков Института археологии и этнографии СО РАН. Некоторые положения диссертационного исследования докладывались

на Итоговых сессиях ИАиЭт СО РАН в 1998 и 2002 гг. По проблемам, связанным с тематикой диссертации опубликовано девять печатных работ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы и приложения, в котором содержатся таблицы индивидуальных краниометрических данных, а также графические реконструкции внешнего облика отдельных представителей средневекового населения, выполненные автором под руководством к.и.н. Т.С. Балуевой (Институт этнологии и антропологии РАН).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность выбранной темы, ее практическая значимость и новизна, определяется цель и задачи работы, территориально-хронологические рамки исследования, а также кратко характеризуются источники и методы их изучения.

Глава 1. Историография и история изучения антропологии средневекового населения Западной и Южной Сибири.

Начало изучения антропологического состава средневекового населения данного региона связано, прежде всего, с научной деятельностью Г.Ф. Дебеца [1948] и В.П.Алексеева [1954; 1956; 1958]. Изученные ими популяции из Минусинской котловины, а также горных и предгорных районов Алтая исследователи отнесли к южносибирской расе. Ее формирование рассматривалось как результат смешения европеоидных групп, сохранивших морфологический тип, характерный для населения эпохи бронзы, и пришлого монголоидного населения южного и юго-восточного происхождения.

Во второй половине 50-х - 60-х гг., благодаря трудам В.П. Алексеева, В.В. Гинзбурга и О. Исмагулова, были введены в научный оборот материалы из средневековых памятников Казахстана и Тывы. Новые данные, проанализированные на фоне уже известных в научном сообществе коллекций, существенно детализировали представления ученых об антропологическом типе населения Северной Азии. Вместе с тем, выводы Г.Ф. Дебеца и В.П. Алексеева относительно расовой принадлежности средневековых групп и механизмах этногенетических процессов, происходивших на данной территории, не претерпели существенных изменений. Процесс тюркизации, по мнению исследователей, был связан с интенсивным проникновением в эти районы во второй половине I тыс. н.э. монголоидного населения центральноазиатского облика. Фиксируемая во всех средневековых сериях европеоидная примесь, как правило, связывалась с местными, дотюркскими племенами, в морфоло-

гическом облике которых сохранялись черты, присущие популяциям эпох бронзы и раннего железа.

Существенные изменения в представлениях о расовом составе средневекового населения Западной Сибири произошли в середине 60-х гг. с началом систематических исследований краниологических коллекций данного региона. К этому времени была опубликована только одна репрезентативная серия из Кузнецкой котловины [Алексеев, 1960]. С появлением новых антропологических материалов из лесостепных и предтаежных районов, в том числе относящихся и ко времени существования культур неолита и бронзового века, стало очевидно, что уже в этот период население этих территорий не было столь гомогенно и включало в себя, помимо европеоидного, еще и древний морфологический комплекс, характерный для таежных популяций Западной Сибири. Впервые это было аргументировано доказано В.А. Дремовым, который основывался на достаточно представительных коллекциях из памятников Новосибирского и Томского Приобья, а также Барабинской лесостепи [1966; 1967; 1975; 1978]. Расовая неоднородность средневековых групп Западной и Южной Сибири была констатирована и В.П. Алексеевым и И.И. Гохманом в обобщающей монографии «Антропология Азиатской части СССР» [1984].

С конца 80-х гг. публикуется целый ряд работ, посвященных анализу коллекций из разных районов Западной Сибири. Были опубликованы тюркские серии из Барабинской лесостепи, Барнаульского и Томского Приобья [Ким, Чикишева, 1988], южно-таежного и лесостепного Прииртышья [Багашев, 1988], Причудымья [Дремов, 1995]. В результате изучения новых средневековых материалов из Новосибирского и Томского Приобья, а также Среднего Прииртышья, со всей отчетливостью проявился субстрат, характерный для таежного населения Западной Сибири, который В.А. Дремов связывал с уральской расой. В 1998 году В.А. Дремовым, А.Н. Багашевым, А.Р. Кимом и М.П. Рыкун была опубликована монография, в которой серии из лесных районов, для которых характерно преобладание чертуральской расы, были выделены в отдельную совокупность. Наряду с этим, авторы указывают на существование в эпоху средневековья еще двух крупных общностей. Это наиболее монголоидные группы, локализующиеся в горных районах, и население степной полосы, для которого отмечается смешанный европеоидно-монголоидный тип, близкий к вариантам южносибирской расы.

Особенно следует подчеркнуть, что к настоящему моменту с территории Западной и Южной Сибири в научный оборот введено всего пять репрезентативных коллекций, датирующихся первой половиной II тыс. н.э. Серии из могильников Нарымского Приобья (Алдыган, Тискино) [Багашев, 2001] и памятника Басандайка (Томское Приобье) [Ким, 1986] характеризуются пре-

обладанием черт, свойственных уральской расе. Черепа из урочища Ближние Елбаны (Барнаульско-Бийское Приобье) [Алексеев, 1954] отличаются от населения тюркского времени более выраженными чертами центральноазиатской расы. Сборная коллекция излесостепного Прииртышья [Багашев, 1988], напротив, сближается с популяциями второй половины I тыс. н.э. из степных районов Западной Сибири и Казахстана.

Таким образом, можно констатировать, что существует определенная неравномерность в изучении населения тюркской и монгольской эпох, в значительной мере обусловленная незначительным количеством антропологического материала первой половины II тыс. н.э. Подобная диспропорция не позволяла исследователям в полной мере сформировать цельную картину генезиса средневекового населения этого обширного региона. За последние десятилетия появился новый материал из погребений монгольского времени, позволяющий скорректировать и дополнить сложившиеся взгляды на антропологический состав и происхождение популяций Западной и Южной Сибири.

Глава 2. Антропологическая характеристика населения Западной и Южной Сибири второй половины I тыс. н.э.

2.1. Сведения об археологических памятниках тюркского времени.

В параграфе содержатся данные о 28 погребальных комплексах второй половины I тыс. н.э. с территории Горного Алтая (18), Верхнего Приобья (8) и Кузнецкой котловины (2). Они включают в себя информацию о месторасположении памятника согласно географическому и административному делению, а также культурно-хронологическую характеристику, предложенную авторами раскопок.

2.2. Анализ морфологических особенностей и внутригрупповой изменчивости серий тюркского времени. В данном параграфе рассматриваются основные морфологические характеристики групп, объединенных по территориальному признаку.

2.2.1. Горный Алтай. Суммарная серия характеризуется брахикранной черепной коробкой со средней высотой свода, среднеширокой умеренно наклонной лобной костью. Для лицевого отдела характерны большая высота, большой скуловой диаметр, значительная уплощенность горизонтального профиля, ортогнатный общий профиль лица с тенденцией к мезогнатии в альвеолярном отделе. Орбиты широкие, средней высоты, мезоконхные по указателю. Переносье умеренно выступающее, средней ширины. Нос высокий, средней ширины, угол выступления носовых костей малый. Внутригрупповой анализ фиксирует наличие европеоидной примеси. Данный комплекс признаков позволяет говорить о том, что черепа древнетюркского населения

Горного Алтая несколько более монголоидны, чем классические представители южносибирской расы.

Происхождение антропологического типа тюрок Горного Алтая связано с двумя основными компонентами. Первый из них восходит к племенам скифского времени (пазырыкская и каракобинская культуры) и гуннской эпохи (булан-кобинская культура). Вторым, достаточно сложным по своему составу, был монголоидный комплекс, близкий по своим морфологическим особенностям к центральноазиатской, а возможно и к байкальской расам. Среди черепов из раннетюркских погребений фиксируются оба исходных компонента, как в чистом, так и в уже смешанном виде, притом, что в последующие периоды антропологический тип тюрок Алтая представлен уже сложившимся, однородным морфологическим комплексом.

2.2.2. Верхнее Приобье. Суммарные мужская и женская серии характеризуются мезокранным, по указателю, мозговым отделом при средней величине основных диаметров черепа. Лобная чешуя слабонаклонная, средней ширины. Лицевой отдел средней высоты с большим скуловым диаметром, резко уплощенный на орбитальном и умеренно на нижнем уровне, ортогнатный по общему вертикальному профилю, с мезогнатной альвеолярной частью. Орбиты широкие, средней высоты, хамэконхные по указателю. Грушевидное отверстие мезоринное, имеет средние высотные и широтные величины. Переносье также характеризуется сочетанием средних величин, угол выступления носовых костей малый.

На уровне индивидуальных данных в мужской выборке можно выделить два различных компонента, один из которых характерен для могильника Иня-1, другой - для остальной части выборки. По нашему мнению, в формировании морфологического типа первого из них основную роль сыграли представители западносибирской расы. Второй, численно преобладающий морфологический комплекс, восходит к типу, представленному в материалах большереченской культуры раннего железного века. Монголоидная примесь, в данном случае связана с кочевыми группами Южной Сибири и Центральной Азии. Для женской части серии не отмечено четкого разделения на морфологические типы, выделенные в мужской совокупности. При сравнении черепов из могильника Иня с остальной выборкой, лишь в виде тенденции можно отметить увеличение угла выступления носа у черепов из погребений более позднего этапа. В целом, складывается впечатление о слабой изменчивости морфологического облика женской популяции.

2.2.3. Кузнецкая котловина. Для мужских и женских групп из могильников Ур-Бедари и Торопово-1 характерна мезокrania, при средних величинах всех основных диаметров черепной коробки. Лобная чешуя слабонаклон-

ная, средней ширины. Лицевой отдел высокий и широкий, ортогнатный по углам вертикальной профилировки, с выступающей альвеолярной частью. Он значительно уплощен на верхнем горизонтальном уровне, в то время как величина зигомассиллярного угла имеет средний показатель. Орбиты широкие и низкие, хамэконхные по указателю. Грушевидное отверстие высокое и широкое, мезоринное, переносье характеризуется сочетанием средней высоты и ширины, угол выступления носовых косточек также средний.

Судя по внутригрупповой изменчивости некоторых основных признаков, можно предполагать участие как минимум двух компонентов в сложении данных популяций: европеоидного, близкого по своим характеристикам к населению татарской культуры Минусинской и Кузнецкой котловин, и монголоидного, тяготеющего к южносибирской расе. Вероятно, также, что удельный вес европеоидного компонента в серии из могильника Торопово-1 несколько больше, а своеобразная хаотичность сочетания европеоидных и монголоидных признаков на черепах из этого памятника может свидетельствовать о начале процесса смешения двух контрастных в расовом отношении групп.

2.3. Межгрупповой анализ серий тюркского времени. Исследованные нами краниологические материалы были сопоставлены по комплексу 20 основных краниологических признаков с опубликованными в литературе коллекциями тюркского времени с территории Западной и Южной Сибири, Казахстана, Тывы, а также Забайкалья и Дальнего Востока. Для этого нами были использованы методы дискриминантного анализа и главных компонент. Сравнивая результаты, полученные при помощи двух различных статистических программ, можно отметить, что при определенных различиях имеются и общие черты, демонстрирующие единую тенденцию выделения морфологических особенностей в составе популяций Западной и Южной Сибири. Для тюркского населения можно отметить два основных монголоидных комплекса, один из которых связан своим происхождением с Южной Сибирью, Монголией и Забайкальем, другой - с таежными районами Западной Сибири. Первый численно преобладает на всей территории, а степень его концентрации определяет морфологическое своеобразие тюркских групп. Монголоидный компонент, отмеченный в сериях из некоторых северных регионов лесостепи, связан с таежными популяциями Западной Сибири и зафиксирован в составе населения данного региона с эпохи неолита-бронзы. Как правило, он выделяется в виде примеси и очень редко в чистом виде.

В результате проведенного нами анализа, в составе групп тюркского времени выделилось четыре совокупности. Для первой из них (Прибайкалье, Забайкалье и Дальний Восток) характерна максимальная степень выраженности монголоидных черт. Население из горных районов составляет вторую

группу, которой так же присущи монголоидные особенности, правда в несколько ослабленном виде. Еще одно объединение составляют серии из степных районов Западной Сибири и Казахстана, которые, в большинстве своем, происходят из могильников сросткинской культуры. Для них характерно сочетание европеоидных и монголоидных особенностей. В последней, небольшой совокупности, объединены популяции из предтаежных районов Западной Сибири (население южно-таежного Прииртышья и верхнеобской культуры Верхнего Приобья). В их составе отмечается присутствие черт, свойственных западносибирской расе.

Глава 3. Антропологическая характеристика населения Западной и Южной Сибири первой половины II тыс н.э.

3.1. Сведения об археологических памятниках монгольского времени. В параграфе содержатся данные об 11 погребальных комплексах первой половины II тыс. н.э. с территории Горного Алтая (6), Верхнего Приобья (3) и Барабинской лесостепи (2). Они включают в себя информацию о месторасположении памятника согласно географическому и административному делению, а также культурно-хронологическую характеристику, предложенную авторами раскопок.

3.2. Анализ морфологических особенностей и внутригрупповой изменчивости серий монгольского времени.

3.2.1. Горный Алтай. Мозговой отдел суммарной серии характеризуется брахикранией при малой высоте свода. Лобная чешуя прямая, средней ширины. Лицевой отдел ортогнатный, с тенденцией к альвеолярному прогнатизму, уплощенный на обоих горизонтальных уровнях, широкий. Высота лица находится на границе средних и больших величин. Орбиты мезоконхные, широкие, средней высоты. Нос средней ширины, умеренно высокий, мезоринный по указателю. Переносье характеризуется сочетанием средних широтных размеров с малыми величинами высотных параметров, угол выступления носовых костей средний.

Как мужская, так и женская группы обладают четко выраженными монголоидными особенностями, тяготеющими к центральноазиатской расе. В сравнении с населением тюркской эпохи, можно констатировать, что степень выраженности монголоидных черт популяции первой половины II тысячелетия н.э. выражена не меньше, а возможно и больше чем в предшествующее время.

3.2.2. Верхнее Приобье. Серия из могильника Телеутский Взвоз-I характеризуется брахикранией, при низкой высоте свода. Лобная чешуя средней ширины, умеренно наклонная. Лицевой отдел высокий, с большим скуловым диаметром, значительно уплощенный на орбитальном и средне на ниж-

нем уровнях. Вертикальный профиль лица ортогнатный. Нос имеет, в среднем, большую высоту и среднюю ширину и мезоринный по указателю. Угол носовых костей, для группы в целом, находится на границе малых и средних величин. Дакриальная ширина и высота, а так же указатель имеют среднюю величину. Носовые косточки в месте их наибольшего сужения узкие и слабо выступающие, симотический указатель имеет малую величину. Орбиты широкие, средневысокие, мезоконхные по указателю.

Антропологический тип населения, оставившего могильник Телеутский Взвоз-1, по комплексу морфологических признаков близок современной южносибирской расе, возможно, несколько смешаясь по степени выраженности монголоидных особенностей к центральноазиатской расе. При объединении коллекции из могильника Телеутский Взвоз-1 с черепами из урочища Ближние Елбаны [Алексеев, 1954], никаких принципиальных изменений в характеристиках суммарной мужской серии не отмечается.

Мозговой отдел суммарной мужской серии из могильника Санаторный-1 характеризуется мезо-брахикранными пропорциями, с большой высотой свода. Лобная чешуя слабо наклонная, средней ширины. Лицевой отдел средней высоты с большим скуловым диаметром, уплощенный на обоих горизонтальных уровнях. По углам вертикальной профилировки, лица мужских черепов ортогнатные, с тенденцией к мезогнатии в альвеолярном отделе. Орбиты хамэконхные, широкие, средней высоты. Нос средней высоты и ширины, мезоринный по указателю. Переносье средней высоты и ширины, носовые косточки имеют средний угол выступления над общим профилем лица. Мужская серия однородна, что подтверждает отсутствие достоверных различий по всем основным параметрам. Мозговой отдел женских черепов брахикранный, высокий. Лобная чешуя умеренно наклонная, средней ширины. Лицевой отдел высокий с большим скуловым диаметром, ортогнатный, с незначительно выступающей альвеолярной частью. Он уплощен как на верхнем, так и на нижнем уровнях горизонтальной профилировки. Орбиты очень широкие, высокие, мезоконхные по указателю. Нос высокий, средней ширины, мезоринный. Переносье высокое, средней ширины, при этом угол выступления носа имеет среднюю величину. Женская серия выглядит менее однородной, что подтверждает анализ внутригрупповой дисперсии.

Мужская группа по своим характеристикам занимает промежуточное положение между европеоидными и монголоидными популяциями и обнаруживает значительное сходство с представителями сrostкиннской культуры Барнаульско-Бийского Приобья. В женской серии анализ индивидуальных данных позволяет выделить два различных морфологических типа. Первый из них близок к западносибирской, второй - к восточно-средиземноморской расе.

Мозговой отдел суммарной серии из могильника Ташара-Карьер-2 высокий, мезо-брахикранный. Лобная чешуя прямо поставленная, узкая. По углам вертикальной профилировки лицо ортогнатное, с умеренно выступающим альвеолярным отделом, значительно уплощенное на верхнем и умеренно на нижнем уровнях, средней высоты с большим скуловым диаметром. Орбиты широкие, средней высоты, хамэконхные по указателю. Грушевидное отверстие мезоринное, средней высоты и ширины. Переносье средней высоты и ширины, носовые косточки слабо выступают над общим профилем лица.

Расогенез населения, оставившего могильник Ташара-Карьер-2, связан с таежными районами Западной Сибири. При этом, в данной серии отмечается присутствие антропологического типа, характерного для населения Верхнего Приобья и Кузнецкой котловины тюркского времени.

3.2.3. Барабинская лесостепь. Мозговой отдел черепов из могильника Заречно-Убинское-1 характеризуется мезокранией и средней высотой свода. Лобная кость средне наклонная, средней ширины. Лицевой отдел ортогнатный с тенденцией к мезогнатии в альвеолярном отделе, средней высоты, с большим скуловым диаметром, уплощенный на обоих уровнях горизонтальной профилировки. Орбиты широкие, средней высоты, хамэконхные по указателю. Нос средней высоты и ширины, мезоринный. Переносье средней ширины и высоты, угол выступления носовых костей малый.

В сложении морфологического комплекса данной группы населения принимали участие три основных субстрата. Первый из них, надежно идентифицируется с высоколицым, брахикранным монголоидным компонентом, распространенным в эпоху средневековья на всей территории Южной Сибири и Казахстана. Второй, сближающийся с кротовским населением, можно считать автохтонным для территории Барабы. Многие из его черт сохранились в антропологическом типе современного угорского населения. Третий тип, отмеченный в женской выборке, с определенной долей условности можно так же считать местным. Подобный комплекс признаков характерен для самодийского населения Западной Сибири.

Серия из могильника Сопка-2, в среднем, мезокранный, со средней высотой свода. Лобная чешуя средней ширины, наклонная. Лицевой отдел средней высоты, с большим скуловым диаметром, ортогнатный. По углам горизонтальной профилировки, он сильно уплощен в орбитальной части и умеренно на среднем уровне. Орбиты средней ширины, низкие, хамэконхные по указателю. Нос средней высоты и ширины, мезоринный по указателю. Переносье умеренно выступающее, угол носовых костей малый. Ни в мужской, ни в женской группах не отмечается достоверной изменчивости ни по одному из признаков.

В формировании данной популяции принимали участие три различных компонента. Один из них обладал набором признаков, который в современной антропологической номенклатуре принято называть южносибирским. Второй, по-видимому, был европеоидным, с мезокранной черепной коробкой, достаточно наклонным лбом, низким или средней высоты лицом, с резкой горизонтальной профилировкой и значительно выступающими носовыми костями. Кроме того, в формировании средневекового населения Барабы, вероятно, приняли участие и представители западносибирской расы.

3.3. Межгрупповой анализ серий монгольского времени. Изученные нами краниологические коллекции первой половины II тысячелетия н. э. были сопоставлены с синхронными антропологическими материалами, опубликованными в литературе. Для этого были использованы те же статистические методы, что и для анализа морфологических вариантов населения Западной и Южной Сибири второй половины I тысячелетия н.э. В совокупности групп можно выделить три объединения. Представители первого из них (Горный и Лесостепной Алтай, Центральный Казахстан, Восточное Забайкалье и Прибайкалье) обладают наиболее выраженными монголоидными чертами. Вторую крупную совокупность образуют популяции из лесостепных районов Западной Сибири (могильники Санаторный-1, Басандайка, Заречно-Убинское-1, Ташара-Карьер-2 и Сопка-2). Для нее характерно сочетание двух морфологических субстратов, первый из которых восходит к тюркскому населению Западной и Южной Сибири и обладает сочетанием европеоидных и монголоидных характеристик, а второй связан с таежными племенами и относится к западносибирской расе. Третье объединение составляют серии из Прииртышья, Причулымья и Нарымского Приобья. Для них так же характерно сочетание сходных компонентов, однако концентрация черт западносибирской расы значительно больше. С этим же популяциями сближается коллекция из могильника Алдыган. По своим морфологическим характеристикам она, безусловно, так же относится к группам, где превалирует местный таежный компонент.

Так же как и в случае с тюркским населением, сравнение результатов, полученных при помощи разных статистических программ, указывает на общую тенденцию в различии морфологических субстратов популяций первой половины II тысячелетия н.э. Выделяются группы с преобладанием монголоидных характеристик, которые можно связывать с североазиатскими монголоидами. Они локализируются в южных, горных и предгорных районах. Население же лесных и лесостепных территорий имеет в своем составе существенную долю иного монголоидного субстрата, относящегося к западносибирской расе, причем выраженность черт данной расы увеличивается с юга на север.

Глава 4. Этнокультурные процессы на территории Западной и Южной Сибири в эпоху средневековья в свете антропологических данных.

У исследователей нет единого мнения по поводу выделения собственно тюркских погребений из общей массы археологических памятников VI-X вв. Д.Г. Савинов, суммируя взгляды различных ученых на проблему этнической атрибуции погребений с конем, выделяет три основных концепции: 1) погребения с конем по всей территории их распространения принадлежат тюркам-тюпо (Теплоухов, Потапов, Кызласов, Ванштейн, Грач, Шер, Худяков, Нестеров); 2) погребения с конем относятся не к тюркам-тюпо, а к другим тюркоязычным племенам, в первую очередь телеским, входившим в состав древнетюркских каганатов (Гаврилова, Гуляев, Савинов, Трифонов); 3) в разных районах погребения с конем имеют разную этническую принадлежность: в Монголии они оставлены древними тюрками, на Алтае - племенами теле, в Минусинской котловине - енисейскими кыргызами (Киселев, Евтюхова).

По данным антропологии дотюркское население (пазырыкская, кара-кобинская, булан-кобинская культуры) принадлежало к одному антропологическому типу, истоки которого имеют автохтонное происхождение и не несут следов примеси центральноазиатской расы. Судя по материалам с территории южного Алтая (могильники Кальджин-6 и Ак-Кол-1), в конце III - начале II в. до н.э. сюда начинают проникать группы хуннов или население очень близкое им. В антропологическом плане эти переселенцы обладали выраженными монголоидными особенностями, имевшими истоки на территории Восточной Сибири и Монголии. Вторая волна мигрантов отмечается на востоке Алтая (могильник Кок-паш) и датируется III—V вв. н.э.

Все имеющиеся в нашем распоряжении раннетюркские черепа обнаружены в центральной части Горного Алтая. Часть из них, в общем, сохраняет черты, характерные для популяций предшествующего времени, другая же обнаруживает наибольшее сходство с хуннским населением Забайкалья. По-видимому, проникновение монголоидных групп в Центральный Алтай начинается не ранее IV в. н.э. Вероятнее всего, сложение ранних тюрков происходило при участии как местных булан-кобинских племен, так и пришлых, имеющих корни в Центральной Азии. На протяжении второй половины I тыс. н.э. на территории Центрального Алтая шло интенсивное смешение местного населения с пришлым, имеющим ярко выраженные черты центральноазиатской расы. К VIII-IX вв. на всей территории Алтая складывается единый антропологический тип, который можно определить как южносибирский, очень близкий по своим морфологическим особенностям к современному типу южных алтайцев.

В лесостепной зоне Западной Сибири тюркское время представлено вариантами сrostкинской культуры. По мнению ряда исследователей (Грязнов, Могильников, Уманский, Троицкая, Неверов и др.), ее формирование на этой территории необходимо связывать с проникновением в Обь-Иртышское междуречье кимаков и тюркского населения из Горного Алтая, ассимилировавшего местные угро-самодийские племена. По мнению Д.Г. Савинова, сrostкинская культура должна рассматриваться в совокупности с восточноказахстанскими памятниками, относимыми к кимакам, в которых отмечается сильное влияние уйгуров.

В антропологических материалах из памятников Верхнего Приобья можно выделить два различных компонента, первый из которых представлен серией из могильника Иня-1 (вторая половина VIII - первая половина IX вв. н.э.). По нашему мнению, в формировании морфологического типа данной группы основную роль сыграли представители западносибирской расы, а не население центральноазиатского происхождения. В то же время, здесь присутствует монголоидная примесь, связанная с тюркскими популяциями Южной Сибири и Центральной Азии, однако ее удельный вес не столь высок. Происхождение второго морфологического компонента связано с типом, представленным в материалах большереченской культуры раннего железного века, который сохраняется и у некоторых представителей верхнеобской культуры. Монголоидная примесь, в данном случае, вероятнее всего связана с кочевым населением Южной Сибири и Центральной Азии. Что касается антропологического типа представителей кемеровского варианта сrostкинской культуры, то скорее всего речь должна идти о присутствии в обеих сериях двух основных компонентов. Первый из них обладает отчетливо выраженными монголоидными чертами, близкими к южносибирской расе, второй — европеоидный, связан с некоторыми популяциями Западной Сибири эпохи раннего железного века (татарская культура Минусинской и Кузнецкой котловин). Нельзя исключить и участие в формировании этого населения монголоидного компонента, который, по мнению В. А. Дремова, восходит к местным древним монголоидам неолита и бронзы.

В отличие от памятников тюркской эпохи, комплексы монгольского времени до сих пор остаются малоизученными в археологическом отношении. Как следствие, в настоящее время не существует подробной периодизации и характеристики монгольских древностей с территории Западной и Южной Сибири, несмотря на то, что определенные шаги в этом направлении предпринимались отдельными исследователями (Гаврилова, Могильников, Тишкин и др.). Антропологические материалы этого времени были единично

представлены в специальной литературе, при этом полностью отсутствовали сведения о населении Горного Алтая.

Изученная нами серия из этого региона также немногочисленна. Она характеризуется четко выраженными монголоидными особенностями, тяготеющими к центральноазиатской расе. В сравнении с группами тюркского времени, можно констатировать, что степень выраженности монголоидных черт популяции первой половины II тысячелетия н.э. выражена не меньше, а возможно и больше.

Рассматривая материалы из Барнаульско-Бийского Приобья (Ближние Елбаны), М.П. Грязное высказал мысль, что население монгольского времени является потомками местных сроткинских групп. На современном уровне исследований А.А. Тишкиным, В.В. Горбуновым и А.А. Казаковым была предложена периодизация памятников монгольского времени Верхнего Приобья, включающая три этапа. По их мнению, в сложении культуры этого времени, помимо кыпчакских и тюрко-самодийских групп, принимали участие и собственно монголы.

Материалы этого периода в данной работе представлены коллекцией из могильника Телеутский Взвоз-1 (вторая половина XIII - начало XIV вв.). Антропологический тип населения, оставившего этот памятник, можно отнести к южносибирской расе, хотя, возможно, он несколько смещается, по степени выраженности монголоидных характеристик, в направлении центральноазиатской расы. К аналогичным выводам пришел В.П. Алексеев, изучавший небольшую краниологическую серию из урочища Ближние Елбаны.

На хронологию и культурную принадлежность памятников первой половины II тыс. н.э. из Новосибирского Приобья высказаны две различные точки зрения. С.Г. Росляков и А.В. Новиков считают, что памятники монгольского времени сложились в результате взаимодействия сроткинского населения, верхнеобских групп, а также кыпчаков (осинкинская группа памятников). А.А. Адамов относит эти же памятники к сроткинской культуре, которая, по его мнению, продолжает существовать на этой территории до XIV в.

Нами рассматривались краниологические коллекции из могильников Санаторный-1 и Ташара-Карьер-2. В целом, антропологический тип этого населения очень близок к представителям сроткинской культуры Верхнего Приобья. Вместе с тем, в сериях фиксируется ощутимая примесь морфологического комплекса, характерного для таежного населения Западной Сибири, причем в могильнике Ташара-Карьер-2, расположенном на границе с таежной зоной, ее доля значительно выше. Можно, также, предполагать и юго-западное направление контактов, основываясь на наличии в женской серии могильника Санаторный-1 черт с признаками восточно-средиземноморской расы. .

Культурно-хронологическая схема для памятников первой половины II тыс. н.э. из Барабинской лесостепи пока не разработана. Отсутствуют и публикации по антропологии этого периода. Вместе с тем, известно достаточно большое количество археологических памятников и антропологических коллекций тюркского времени. Их изучение позволило установить, что сложение культуры этого периода происходило в результате взаимодействия кочевого тюркского населения и местных популяций. Об антропологическом типе групп второй половины I тыс. н.э. известно, что он был смешанным, со значительной долей европеоидной примеси.

Проанализированные нами материалы монгольского времени (могильники Заречно-Убинское-1, Сопка-2), позволяют сделать вывод, что в этот период значительно увеличивается доля монголоидного элемента. В сложении морфологического комплекса данных групп принимали участие три основных субстрата. Первый из них надежно идентифицируется с монголоидным компонентом, распространенным в эпоху средневековья на всей территории Южной Сибири и Казахстана. Второй—европеоидный, близок по своим морфологическим особенностям к популяциям раннего железного века. Третий, сближающийся с кротовским населением, можно считать автохтонным для территории Барабы. Еще один тип, отмеченный в женской выборке могильника Сопка-2, характерен для самодийских групп Западной Сибири.

Для того, чтобы выявить основные морфологические субстраты и показать динамику расовых изменений, была подвергнута анализу вся совокупность средневековых групп, использовавшихся для межгруппового сравнения серий тюркского и монгольского времени. Как и ранее, нами были использованы методы выделения главных компонент и дискриминантного анализа. При определенных отличиях, обусловленных спецификой этих статистических программ, можно констатировать, что полученные результаты не имеют принципиальных различий. Для всей совокупности средневековых групп, как для мужских, так и для женских выделяются четыре крупных объединения, в основе которых лежат своеобразные морфологические комплексы.

Первое из них включает популяции, для которых характерна наибольшая степень выраженности монголоидных черт, близкие к вариантам южносибирской расы. В распределении данных групп нет определенной географической приуроченности. Они фиксируются на всей территории юга Западной Сибири, включая горные (Алтае-Саянское нагорье) и таежные (Томское Приобье) районы. По всей видимости, это связано с тем, что это население было пришлым. На наш взгляд, подобная дисперсность в распределении наиболее монголоидных групп является результатом миграций, вызванных созданием крупных кочевнических объединений и их военной экспансией. Не-

маловажно отметить, что в женской части выборки данные популяции локализуются на территории Горного и Предгорного Алтая, Забайкалья и Прибайкалья, которые, вероятнее всего, составляли в эпоху средневековья единое этно-культурное пространство.

Вторая совокупность объединяет серии, в составе которых присутствует ощутимая европеоидная примесь. В географическом отношении, основная масса этих групп локализуется в степной и лесостепной зонах Западной Сибири. По всей видимости, европеоидный компонент восходит к племенам раннего железного века и гунно-сарматской эпохи. Смешанный характер этих популяций является результатом интенсивного взаимодействия местного и пришлого монголоидного населения.

Третье объединение характеризуется преобладанием черт западносибирской расы. Данные группы географически приурочены к таежным и пограничным с лесостепью районам Западной Сибири. Морфологический комплекс, который является в этих сериях основным, отмечается на этих территориях еще с эпохи неолита-бронзы и может считаться автохтонным.

Четвертая совокупность объединяет популяции, которые характеризуются своеобразным сочетанием европеоидных черт, а также особенностей, присущих представителям южносибирской и западносибирской рас. В географическом отношении данное население локализуется в предтаежных районах Западной Сибири. Его своеобразный антропологический тип объясняется интенсивными контактами местных таежных групп с кочевниками степной полосы.

В свете всего вышесказанного, можно сделать несколько выводов о расогенезе средневекового населения Западной и Южной Сибири. Начиная со второй половины I тыс н.э., проникновение монголоидов центральноазиатского происхождения на эту территорию уже не носит спорадического характера, как это было в гунно-сарматскую эпоху. Наиболее ранние свидетельства этих миграций фиксируются в южных районах (Горный Алтай и Тыва), которые уже к началу тюркской эпохи были включены в орбиту влияния населения Центральной Азии. Впоследствии, несмотря на активное воздействие пришлых групп на племена лесостепных районов, морфологический субстрат, восходящий к эпохе раннего железа сохраняется в среде местных популяций. Отмеченные с эпохи бронзы контакты степного населения с таежным, продолжают и в эпоху средневековья, при этом наиболее интенсивное взаимодействие происходило в пограничной зоне между лесостепью и тайгой. С началом монгольской эпохи, приток монголоидов на территорию юга Западной Сибири усиливается. Отчетливо выраженный в предыдущую эпоху европеоидный компонент практически исчезает. С этого времени уме-

стнее было бы говорить лишь об европеоидной примеси, доля которой значительно уменьшается даже в западных районах региона.

Сопоставление морфологических особенностей населения тюркской и монгольской эпох, в совокупности с данными археологии, позволяет сделать некоторые выводы относительно миграционных процессов, происходивших в первой половине II тыс. н.э. Можно констатировать приток новых монголоидных групп в Барнаульско-Бийское Приобье. В это же время начинается отток населения с этой территории на север, в районы Новосибирского Приобья. Можно отметить, также, значительное увеличение доли монголоидного компонента у популяций Барабинской лесостепи, по сравнению с тюркским временем. Для обеих эпох можно констатировать большую консервативность женских групп, по сравнению с мужскими, что отражает специфику формирования антропологического состава населения Западной и Южной Сибири, обусловленную ведущей ролью мужской части населения в миграционных процессах.

Заключение. Исследованные нами средневековые серии Западной и Южной Сибири имеют определенные морфологические отличия, что связано со своеобразием расового состава предшествующего населения, направленностью этнических контактов и их интенсивностью.

Изученные нами антропологические данные тюркского времени из Горного Алтая позволяют заключить, что процесс расогенеза средневекового населения этого региона уходит своими корнями в предшествующие эпохи. Именно местный, автохтонный компонент, который формировался на данной территории еще с эпохи неолита, придавал определенное своеобразие носителям культур эпохи раннего железа и начала I тысячелетия н.э. На протяжении второй половины I тыс. н.э., на территории Алтая шло интенсивное смешение местного населения с пришлым, имеющим ярко выраженные черты центральноазиатской расы. К VIII - IX вв. на всей территории Алтая складывается единый антропологический тип, который можно определить как близкий по своим морфологическим характеристикам к современной южносибирской расе. В первой половине II тыс. н.э., с новым притоком населения из центральной Азии доля монголоидного элемента не снижается, а вероятно, даже увеличивается по сравнению с тюркским временем.

Краниологические материалы тюркского времени из Барнаульско-Бийского Приобья позволили выделить различные морфологические комплексы, которые имеют еще и определенную хронологическую привязку. Один из них сохраняет черты, присущие местному населению эпохи раннего железного века и близок к представителям западносибирской расы. Другой также восходит к предшествующим популяциям и сходен с антропологическим типом пле-

мен верхнеобской культуры. Монголоидный компонент, и в том и в другом случае, имеет юго-восточное происхождение. В первой половине II тыс. н.э. на этой территории происходят значительные изменения антропологического состава населения. Для групп этого времени характерна значительная выраженность монголоидных черт, близких по своим характеристикам к центральноазиатской расе. Отчасти это может служить подтверждением одной из гипотез, согласно которой появление подобных памятников на этой территории трактуется как результат прямой экспансии монгольских племен.

Антропологические материалы тюркского времени из Кузнецкой котловины позволяют выделить два основных компонента. Первый из них, монголоидный, сходный с населением Верхнего Приобья, в то время как второй, можно сблизить с населением раннего железного века. Он имеет наибольшее сходство с морфологическим типом представителей татарской культуры.

Антропологический материал первой половины II тыс. н.э., полученный из могильников Новосибирского Приобья, позволяет заключить, что популяции этого времени имеют близкие морфологические особенности с представителями сротскинской культуры Барнаульско-Каменского Приобья. Кроме того, в сериях отмечается таежный компонент, причем его концентрация увеличивается с юга на север.

В расовом составе населения монгольского времени Барабинской лесостепи можно выделить несколько морфологических компонентов. Первый из них связан с монголоидными группами степных кочевников, второй сближается с угорским вариантом западносибирской расы. Возможно, также, наличие в сериях и небольшой европеоидной примеси. В антропологической коллекции из могильника Сопка-2, помимо угорского, можно предполагать и самодийский компонент.

Сопоставление серий тюркского и монгольского времени, с привлечением обширного сравнительного материала из сопредельных территорий позволило сделать несколько выводов. Сходство популяций первой половины II тысячелетия н.э. из Верхнего Приобья с группами лесостепного и предгорного Алтая тюркского времени, позволяет предполагать миграции значительных масс населения из верховьев вниз по Оби. Племена Барабинской лесостепи, вероятно, были менее подвержены этим процессам, однако и здесь доля монголоидного компонента на рубеже тысячелетий несколько повышается по сравнению с тюркским временем и сравнивается с той степенью выраженности, которая была характерна для племен Кузнецкой котловины, лесостепного Алтая и Восточного Казахстана в тюркское время. Данные процессы, вероятно, связаны с началом новых миграций, вызванных созданием в Центральной Азии Монгольской империи.

Список основных публикаций по теме диссертации

1. К вопросу об антропологическом типе древнетюркского населения центральных и восточных районов Горного Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Т. III. — Новосибирск: Изд-во ИАиЭТ СО РАН, 1997. — С. 321-325 (в соавт. с ТА Чикишевой).
2. Краниологические особенности средневекового населения Центральной Барабы (по материалам средневековых погребений могильника Сопка 2) // Сибирь в панораме тысячелетий. Материалы международного симпозиума. — Т. I. — Новосибирск: Изд-во ИАиЭТ СО РАН, 1998. — С. 489-495.
3. Краниологические особенности средневекового населения Кузнецкой котловины (по материалам могильника Торопово I) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Т. IV. — Новосибирск: Изд-во ИАиЭТ СО РАН, 1998. — С. 333-336.
4. Антропологические характеристики населения Кузнецкой котловины в эпоху развитого средневековья (по материалам могильника Торопово I) // Илюшин А.М. Население Кузнецкой котловины в эпоху развитого средневековья (по материалам раскопок курганного могильника Торопово I). — Кемерово: Изд-во КГТУ, 1999. — С. 186-207.
5. Антропология населения Горного Алтая в гунно-сарматское время // Археология, этнография и антропология Евразии. — № 3(3). — Новосибирск: Изд-во ИАиЭТ СО РАН, 2000. — С. 116-133 (в соавт с ТА. Чикишевой).
6. Формирование древнетюркского населения Горного Алтая по данным антропологии // Археология, этнография и антропология Евразии. — № 3(7). — Новосибирск: Изд-во ИАиЭТ СО РАН, 2001. — С. 142-154.
7. К вопросу о краниологическом типе средневекового населения Западной Сибири // Антропология на пороге III тысячелетия. — М.: Изд-во Мосты культуры, 2002. — С. 19-20.
8. Палеоантропологические материалы из могильника Телеутский Взвоз I в Лесостепном Алтае // Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А. Курганный могильник Телеутский Взвоз I и культура населения Лесостепного Алтая в монгольское время. — Барнаул: Изд-во АГУ, 2002. — С. 168-199.
9. Краниологическая характеристика средневекового населения Барабы (по материалам могильника Заречно-Убинское 1) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Т. VIII. — Новосибирск: Изд-во ИАиЭТ СО РАН, 2002. — С. 657-662 (в соавт. с Е.В. Рыбиной).

Из фондов Российской национальной библиотеки

Подписано в печать 03.02.04. Бумага офсетная
Формат 60 x 84 /16. Гарнитура Times New Roman.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,5. Уч.-изд. л. 1,5.
Тираж 100. Заказ № 84.

Издательство Института археологии и этнографии СО РАН.
Лицензия ИД № 04785 от 18 мая 2001 г.
630090 Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17.

€ 3244

Из фондов Российской национальной библиотеки